

ЖАЖДА ЖИТЬ

Он помнил наизусть каждую строчку, каждое слово, каждую букву, изгиб или точку каждого письма. Нет, он не заучивал, он просто знал и чувствовал – строчки сами всплывали перед глазами и складывались в слова и предложения, которые будоражили душу, давали силы телу, и не давали мозгу сойти с ума... Война! Война, как мы ее себе представляли, и представляем смерть, кровь и боль. Но чаще война – это грязь, пот и холод.

Грязь. Грязь в мыслях, действиях, словах... Грязь внутри всего живого, во всем, что нас окружает. Грязь пропитывает все вокруг себя, проникает и вливается в нас все глубже и глубже. И нет такого источника, такой реки, такой бани, которая смогла бы смыть с нас и в нас эту грязь. Она снаружи и внутри.

Пот. Пот льется всегда. Жара или холод, дождь идет или снег. Пот льется не независимо от погодных или климатических условий. Пот льется от тяжелого труда и от душевного состояния. От того, что каждый миг ты думаешь о том, что в нормальной жизни вызовет шок или столбняк, или бросит тебя в дрожь каждой клетки твоей тела.

Холод. Холод пронизывает и продирает тело. Но этот холод не так страшен, как холод, вызванный ветром, дождем и морозом, это холод, который рождается в твоей душе и сковывает ее. Смерть всегда холодна. Ее прикосновение леденит, от дыхания смерти стыннут слюни в глотке и слезы становятся хрусталиками льда.

Ее письма были спасением от всего этого. Они были глотком чистого теплого и свежего воздуха, они согревали и оберегали. Он знал это! Да, Бог где-то здесь, где-то рядом, но когда идет война, кажется, что он просто спит или отвернулся в этот момент от нас. Его Бог был в его нагрудном кармане на клочке бумаги с родными словами родного подчерка.

Вот так, лежа в окопе, Федор Адрианович, а именно так звали нашего героя, лежал, думал, вспоминал и поглаживал на груди ватник, где было письмо от его любимой жены.

Для Федора его жена была больше чем жена, больше чем спутница по жизни, он действительно был ей обязан своей жизнью, это не высокие слова, а действительность.

В начале восемнадцатого года крестьян, которые отказались идти в ополчения казачьего дивизиона атамана Сотникова по его же приказу расстреляли на окраине деревни. Приказ исполнил прапорщик Зотьев с красным лицом и нервным тиком. Он был низкого роста, но с большими амбициями. Свою власть и силу он всегда хотел показывать как на сцене большого театра. В тот раз исключения не было. Пятеро молодых парней стояли со связанными руками за спиной, а перед ними стояли пять белогвардейцев, готовых привести приговор в исполнение, но прапорщику пришла мысль самому покуражиться. Он достал свой издававший виды наган и, подходя вплотную к расстреливаемому, поднимал руки с наганом на

уровень сердца и со словами «Где твое красное сердечко?» или «сейчас мы глянем, какого цвета кровь у этой гниды» делал выстрел.

В тот день Федор взглянул в маленькие, мутные грязно-зеленые глаза смерти. И маска смерти была краснолицей, подергивала головой, с редкими зубами и большой залысиной и спрашивала: «Где его сердечко?» Когда резкость зрения стала появляться, Федор начал различать в белом пятне то ли женское, то ли девичье лицо. Строгие черты, острые скулы, глубоко посаженные глаза, и длинная коса. Ему казалось, что он давно знал и видел эти черты, они были похожи на те, что он с детства видел на иконе, которой молилась его мама.

Вот так впервые он увидел свою будущую жену Софью Саватеевну. Оказалось, что пуля, выпущенная прапорщиком прошла в нескольких миллиметрах от сердца, не поранив жизненно важных артерий, а так как рука прапорщика была набита на этом занятии, то проверять никто не стал. А вечером, когда бабы деревни (мужиков давно уже не было) хоронили парней, Софья обратила внимание на то, что у Федора дергается веко, приложила ухо к груди, выпачкав все лицо и волосы в кровь, и услышала еле слышные удары сердца и хрип дыхания.

Федор давно похоронил своих родителей и если бы и были у него родные, так это три его брата, которых раскидала судьба по фронтам гражданской войны. У Софьи была только больная мать, которая давно уже не выходила из дома, а могла лишь с помощью своего костыля дойти до окна и смотреть печально на дорожку, идущую от порога через заваленный забор куда-то вдаль.

Все отговаривали, но она твердо сказала: «Не выживет, тогда сама похороню рядом со своей хатой». А ей тогда было четырнадцать лет.

Через месяц с небольшим Федор смог сесть на кровать, через два выйти во двор. Все это время Софья была рядом с ним и больной матерью. Она меняла ему повязки на груди, а матери прикладывала подорожник или капустные листья на опухшие колени.

Выздоровев, Федор поговорил с Софьей и ее матерью и просто перевез остатки своих вещей к ним в сруб, заколотив свой (родительский). И стал просто жить с ней. Вскоре гражданская война закончилась, появились колхозы, земля, давно уставшая от войн и распрей, соскучившаяся по мужской руке, давала первый богатый урожай. Федор с Софьей работали на земле.

Второй раз Федор посмотрел в глаза смерти в 1935 году. Его забрали прямо с колхозного поля, сняв с трактора во время пахоты. Подъехал старенький ЗИС с тремя молодыми офицерами в синих фуражках, не говоря причины, посадили его в кузов, предупредив, что при попытке бегства откроют огонь на поражение. В Минусинском НКВД он провел без объяснения почти два года. Его просто посадили в камеру, где сидели уже два десятка таких как он. Как говорили тогда в камере: «Честному вору сейчас и сесть некуда, все заняли политические». Это потом, через годы мы – внуки и дети наших предков узнали что, в 1930-е – 1940-е годы Минусинск

стал центром политических репрессий на юге Енисейской Сибири, в результате которых пострадали и были казнены тысячи сограждан, прежде всего, крестьян Минусинской округи.

Софья ходила по инстанциям, пыталась оправдать Федора в том, в чем и не был виновен. Как оказалось, из-за одного завистника, а может и просто «бедного» душой запуганного человека, который написал донос на своего соседа. В доносе было написано, что такой-то был прилюдно показательно расстрелян белогвардейскими казаками, но не убит, а ранен, лишь для того, чтобы влиться в честные ряды рабоче-крестьянской массы. И именно по этой причине, как оказалось, Федор так ударно и добросовестно работал, чтобы показать, что он свой, что он крестьянин.

Как рассказывала Софья, в заключении Федор сильно заболел из-за того, что таких, как он, было много. Было ощущение, что он попал в мясорубку, в которой он вроде был и в тоже время его просто забыли. Его не вызывали на допросы, его не били, он просто сидел. И в один день его и еще четырнадцать таких же вывели на границу города к речке «Шушь», приказали встать на краю вырытого котлована, заполненного на треть телами «врагов народа». Молодой лейтенант взмахнул и прозвучал залп.

Все местные знали, что два раза в неделю Минусинск чистился от паразитов и врагов народа, знали где, знали как и что. Только боялись там показаться, чтоб не попасть под лопасти этой страшной «машины», ведь если ты появился там, ты автоматически становился тем же врагом народа. Сколько я и мои родные не пытались узнать, как оказался Федор дома, никто не сказал. Знаю одно, у моего деда на груди, как и под лопаткой на спине, было по два круглых шрама от пулевых ранений. Наверное, они тоже боялись рассказывать про те времена. Только в 1938 году родился мой отец, а дед окончательно поправился, только до конца жизни у него остался кашель.

Почему сейчас он это все вспомнил? Было две причины. Шел 1945 год. Сейчас он был в окопе под Будапештом. Он прошел практически всю войну. С Подмосковья до Венгрии. И сейчас все не просто верили, а уже и видели, что война идет к своему логическому окончанию. Но чем ближе наши войска продвигались к территории Германии, тем ожесточеннее сопротивлялся враг. Федор, опершись на стенку окопа, сидел и думал о том, что с того момента, как он попал на фронт, он каждый день видел глаза «смерти». Он видел все, смерть, боль, кровь. Он впитал в себя всю грязь, пот и холод войны. Но в тоже время он понимал, что сейчас, именно сейчас, рядом с ним нет ее теплого взгляда, заботливых рук и нежных губ. Софья была, но была где-то очень далеко, иногда казалось в другой жизни. И тонкой связью с той жизнью были ее письма. Письма, написанные печатными буквами, простым химическим карандашом. Закрыв глаза, он видел, как сейчас она сидит в срубке, за столом у окна, где любила сидеть ее мама. Аккуратно своими тонкими губами слюнит кончик карандаша, потом смотрит на него и лишь после этого выводит ровные прямые буквы, проговаривая каждую из них.

Конвертов не было и поэтому письмо можно было написать лишь на полторы страницы, чтобы свернуть его треугольником и еще написать адрес. А в письме нужно охватить все! Всю жизнь! Семью, детей, родных, близких, сельчан, коллег, соседей. Рассказать все, а потом спросить о нем, как он, что с ним, жив, здоров, где он, и что на фронте, и главное, когда же закончится эта война проклятая?

Знаете, сколько я не спрашивал своего отца, о чем рассказывал ему его отец – мой дед? Ответ всегда был один – про письма его жены! Он мог часами с упоением рассказывать о них, мог наизусть пересказывать, иногда в шутку продолжая разговор, как бы невзначай спрашивать: «Соф, а Соф, а вот ты в третьем- то годе, мне написала, что Иван болен, а чем не написала! Я жешь голову сломал, чем он болен, а? Слышь, а? Ты когда пишешь, пиши подробно и с чувством. Секретарь ты мой». Дед был уверен, что самые грамотные и умеющие писать были лишь секретари и учителя.

Война закончилась в сорок пятом, а дед мой вернулся с нее лишь через девять лет. Девять лет! Девять лет он пешком гнал в Сибирь скот, который был вывезен в Германию из России. Вот и вышло, что мой дед Федор Адрианович прошел всю Европу от Москвы почти до Берлина и потом пешком от Берлина до Красноярска.

Осенью шестьдесят седьмого умерла моя бабушка Софья Савватеевна, а весной шестьдесят девятого умер мой дед Федор Адрианович. Полтора года он ходил грустный и всегда говорил: «Ушла ты моя Софья и кто меня теперь защитит и поговорит со мной?» А последние слова его были: «Я иду к тебе...» Вот такая судьба двух человек-людей мне самых близких и совсем мне незнакомых, ведь я родился в семьдесят первом!

Сколько в человеке может вместиться силы духа, отваги, веры и верности, преданности и самопожертвования и самое главное, сколько в человеке может поместиться желания жить, настоящего желания! А не было бы этого желания, не было бы меня, арифметика проста.

Вот и скажи, какие слова благодарности мы должны говорить нашим близким, нашим родным? Наверное, самое главное не то что мы говорим, а то, что мы ПОМНИМ ИХ, ИХ ДЕЛА И ЖЕЛАНИЕ ЖИТЬ!

**Алексей ФИЩЕВ,
Ставропольское ЛПУМГ**